

Владимир МИХАЙЛИН

ЗАЩИЩАЯ МОРСКИЕ РУБЕЖИ

(Из воспоминаний Адмирала Военно-Морского Флота)

ОТ РЕДАКЦИИ: В мае страна отметила величайшую дату своей истории — 50-летие Победы над фашистской Германией. В преддверии приближающихся очередных юбилейных дат — 50-летия разгрома Японии, окончания второй мировой войны, а также 300-летнего юбилея Российского флота (1996 год) — редакция обратилась к участнику войны с фашистской Германией и милитаристской Японией, Владимиру Васильевичу МИХАЙЛИНУ с просьбой рассказать о некоторых наиболее интересных, с его точки зрения, эпизодах военной поры и послевоенной службы.

Я не писатель, не литератор, мемуаров не писал и не пишу, — но, видимо, нужно, пока не поздно, хоть частично зафиксировать памятные события своей службы. Ведь прошедших войну с каждым днем остается все меньше. А вспомнить есть о чем. Как говорится, много воды утекло, много видено и пережито — и героического, и трагического.

Биография моя обычна, как у миллионов соотечественников нашего поколения. Родился в 1915 году в простой крестьянской семье в селе Заборовская Слободка Калужской губернии. Отец — солдат первой мировой, или, как у нас называли, германской войны, в дальнейшем — унтер-офицер, георгиевский

Адмирал В.В. МИХАЙЛИН прошел Великую Отечественную войну с первого и до последнего дня, воевал на кораблях Балтийского, Северного и Тихоокеанского флотов. После войны — командир крейсера, командир бригады ракетных кораблей, дивизии крейсеров, командующий Балтийским флотом, заместитель Главнокомандующего ВМФ, заместитель Главнокомандующего Объединенных Вооруженных Сил Варшавского Пакта. С 1985 года в отставке.

кавалер, участник гражданской войны. Мать — медсестра госпиталя. После войны родители крестьянствовали.

После окончания сельскохозяйственного техникума я работал агрономом в совхозе. Море увидел впервые в 1935 году, когда по бесплатной путевке поехал в санаторий в Крым. Там же, будучи на экскурсии в Севастополе, впервые увидел боевые корабли. Но о том, что стану моряком и мне придется командовать кораблями, даже флотом, не думал и не предполагал. В то время меня интересовало только сельское хозяйство.

В 1937 году поступил в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Тогда там еще преподавали выдающиеся ученые-академики: В.С. Немчинов, Н.И. Вавилов, В.Р. Вильямс; читал лекции и «народный академик» Лысенко, знаменитый разрушитель науки и всего сельского хозяйства. Через два года по спецнабору меня направили в Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе (Ленинград) — старейшее, основанное еще Петром Великим учебное заведение (кадетский корпус). Из стен этого «корпуса» вышли почти все русские дореволюционные и послереволюционные знаменитые флотоводцы. Хочу я быть моряком, не хочу — меня не спрашивали: комсомольский набор. Партия сказала надо, и весь сказ.

Мы, простые рабочие и крестьянские парни, впервые надевшие матросские форменки, с интересом и настойчивостью принялись осваивать новую для нас морскую «науку». Наши наставники — заслуженные, с боевым опытом русско-японской и первой мировой войн офицеры-преподаватели внушали нам, что такое честь военного моряка и как свято следует ее беречь.

Война для меня началась в первый ее день, 22 июня 1941 года. Мы, курсанты-выпускники, проходили практику на боевых кораблях Балтийского флота. Я находился на эсминце «Ленин». Корабль стоял в Либаве. Эта передовая военно-морская база построена еще в конце прошлого века на российские деньги и руками русских рабочих, мастеровых, солдат и матросов (бывший военный порт Александр III) *. С раннего утра Либава подверглась ожесточенной бомбардировке немецкой авиацией. Главный удар пришелся по кораблям базы, судоремонтному заводу, доку, где находился наш эсминец. Вечером того же дня командир эсминца капитан-лейтенант Ю. Афанасьев получил по телефону приказ от командира базы взорвать поврежденный корабль и док. На следующий день команда под бомбежкой и предательским обстрелом «кайсар-

---

* Обширная незамерзающая гавань, судоремонтный завод, доки, береговые сооружения. Здесь традиционно базировались подводные лодки и надводные корабли, как они тогда числились, «легких сил флота» — эсминцы, сторожевики, противолодочные корабли. И такую «шикарную» базу, исконно российскую, с прекрасным жилым городком, построенным флотскими строителями, в прошлом году «задаром» отдали новым «хозяевам» — латвийским националистам. Сегодня база разрушается, военный городок разграблен.

гов» * из окон, с крыш, чердаков заводских зданий и жилых домов сошла на берег. Корабль и док были взорваны. А через несколько дней наш командир был расстрелян, как поддавшийся на провокацию диверсантов и предателей-националистов, так как командир базы не подтвердил свой телефонный приказ. Что было на самом деле: трусость ли, ложь командира базы или доверчивость командира корабля, так и не ясно до сих пор. Но для себя я сделал вывод: как должен отдаваться и контролироваться приказ такого рода.

К концу месяца всех уцелевших в первые дни войны курсантов, находившихся на практике, расписали по кораблям и частям. Меня назначили командиром очень «грозного» корабля — «Буксира № 6», на который помимо основных его буксировочных функций возлагалась и расстановка самоходных барж с зенитной артиллерией на подступах к Ленинграду и Кронштадту. Помню, вот радости было, когда наши зенитчики сбили первый вражеский бомбардировщик Ю-88. Даже захватили в плен летчика и штурмана. Но это были еще спесивые, наглые тевтоны: как же, победители Европы! Тогда они еще говорили: «Хайль Гитлер! Капут Сталин!» Это позже, поднимая вверх руки, они будут подобострастно кричать: «Гитлер капут!»

Командуя буксиром, мне довелось участвовать в Таллинском переходе кораблей Балтийского флота (из Таллина в Кронштадт 27—29.8.41 г.). Наш буксир вместе с другими судами встречал поврежденные корабли у острова Гогланда, а также подбирал людей из воды. Как свидетельствует официальная историография, «...более 100 кораблей и 67 судов в условиях господства вражеской авиации и сложной минной обстановки оставили Таллин». На кораблях было вывезено свыше 20 тысяч человек личного состава сухопутных войск, значительное количество эвакуируемого персонала Таллинской ВМБ и гражданского населения.

Кто участвовал в этом переходе и уцелел, может подтвердить: это был кромешный ад. Истошный вой пикирующих «юнкеров», взрывы бомб, мин, стрельба корабельных орудий по самолетам, крики людей, оказавшихся за бортом и цепляющихся за обломки дерева, переполненные шлюпки и спасательные плоты. Даже в летнее время года температура воды Балтийского моря не поднимается выше 8—10 градусов, поэтому многие погибли от переохлаждения. Но паники не было, хотя многие спасенные находились на пределе физических и моральных сил. Корабли отряда прикрытия (командир капитан 2-го ранга Н. Святков), суда, в том числе и наш буксир, подобрали из воды и спасли более 1200 человек. Мы уцелели, навер-

---

* Сегодня их потомки в Латвии издеваются над нашими соотечественниками, так называемыми «некоренными» жителями.

ное, потому, что не представляли для немецкой авиации достойной цели: не хотели асы Геринга тратить на нас бомбы. Для них было много других более ценных объектов. Если боевые корабли имели зенитную артиллерию, то большая часть транспортов была вообще беззащитна.

На том переходе погибли 15 боевых кораблей и 46 транспортов. Основные силы флота все же дошли до Кронштадта и впоследствии сыграли важную роль в обороне Ленинграда. Надо сказать, что значительное количество кораблей и судов погибло еще в гаванях Таллина от бомбежки и в результате диверсий. Поврежденные корабли пришлось уничтожить, чтобы не достались врагу. При эвакуации из Таллина, как и в Либаве, по войскам, кораблям, стоящим в гаванях, предательски стреляли с крыш и чердаков, из окон домов и портовых строений эстонские националисты*.

В начале осени моя «буксирная» служба закончилась. Как я позднее подсчитал, за три месяца войны мой буксир подвергался около 80 раз авиационным бомбежкам. Оставшихся в живых курсантов отозвали с кораблей, буксиров, армейских подразделений и произвели в лейтенанты. Но только десять из них были посланы на флот — в этом числе оказался и я. Меня направили на Северный флот. Остальные мои сокурсники и курсанты младших курсов, среди них и Сергей Федорович Ахромеев, будущий Маршал Советского Союза, прошедший всю войну на передовой, человек высочайшей офицерской чести, патриот Отечества, пошли на фронт, в сухопутные войска, в основном командирами взводов.

С.Ф. Ахромеев сохранил на всю жизнь свою первую с курсантских лет любовь к флоту. Где-то в 1988—1990 годах Сергей Федорович попросил меня найти в его курсантском личном деле фотографию, где он снят молодым пареньком в матросской форме. И был очень рад этой фотографии, поскольку других снимков той поры у него не сохранилось.

На Северном флоте моя служба прошла на тральщиках. С 1 декабря 1941 года по 8 марта 1945 года практически с корабля не сходил. За год набиралось свыше 300 ходовых суток.

В первый же день по прибытии на корабль пошли в море в составе конвоя, следующего из Архангельска в Англию. Первый боевой поход запомнился навсегда. Зима, Северная Двина скована льдом, впереди идут ледоколы «Ленин» и «Сталин», за ними тральщики и корабли охранения, в том числе и наш «ТЩ-65». Задача тральщиков — траление фарватеров и подходов к горлу Белого моря, Иокангскому и Кольскому заливам, а

---

* Потомки их сегодня, как и в Латвии, устраивают «веселую» жизнь русским и другим «некоренным» жителям «свободной» Эстонии при попустительстве наших российских властей.

также совместно со сторожевиками и противолодочниками охранение транспорта. Каждый конвой — сложная морская операция, зачастую находившаяся под контролем не только штаба флота, но и Ставки.

Сегодня некоторые наши политики и историки из новой поросли во весь голос заявляют, что нас, мол, спасли в войну только союзные поставки по ленд-лизу, причем бесплатные. Помощь, конечно, была, и существенная, но считать ее решающей в нашей Победе неправомочно. Мы получили около 4—6 процентов самолетов и бронетехники, участвующей в войне; несколько больше грузовиков, медикаментов, продовольствия. Все помнят знаменитую американскую тушенку, или, как ее прозвали солдаты и матросы, «второй фронт». Но ведь не бескорыстно и не бесплатно «помогали» нам союзники. Своими глазами видел, что шло от нас в Англию: лес, металл, технические масла, никелевая руда, плавиковый шпат (необходимая присадка в металлургии), пушнина, а на боевых кораблях даже золото. За годы войны в Мурманск и Архангельск прибыл 41 конвой (738 транспортов), убыло 36 конвоев (726 транспортов), и ни один транспорт из наших портов не ушел порожнём, все уходило загруженное под завязку. Но главное то, что союзники были вместе. Приходится сожалеть только, что не все корабли в конвоях достигали конечного пункта назначения.

Последствия разгрома многострадального конвоя PQ-17 видел своими глазами. Этот конвой потерял 24 транспорта из 36. Наш тральщик участвовал в спасении экипажей погибшего транспорта и охране немногих уцелевших. История этого конвоя всем известна. Конвой вышел из Исландии 27 июня 1942 года в условиях полярного дня, в сопровождении охраны 20 боевых кораблей английского флота. В нескольких десятках миль от него следовали мощные корабельные силы оперативного прикрытия: авианосец, два линкора, два крейсера, 14 эсминцев.

На подходе конвоя к меридиану 20 градусов (разграничительная линия ответственности за безопасность конвоев между союзниками и нашим флотом) весь английский флот — непосредственное охранение и силы прикрытия, — не передав охрану конвоя кораблям Северного флота, внезапно повернул на запад. Капитанам транспортов была дана команда: «Рассеяться, следовать самостоятельно!» Причина такого решения Британского Адмиралтейства до сих пор окончательно не выяснена. Большинство морских историков придерживаются версии, что этот конвой должен был послужить приманкой для немецкого линкора «Тирпиц», находящегося в норвежских фьордах. Но «приманка» не получилась. «Тирпиц», выйдя с кораблями охранения из базы, был внезапно торпедирован нашей подводной лодкой (командир капитан 2-го ранга Н. Лунин). Линкор получил повреждение и возвратился на базу. Силы ан-

глийского флота, охотящиеся за «Тирпицем», также вынуждены были вернуться на свои базы. Оставшийся беззащитным конвой оказался легкой добычей «волчьих стай» подводных лодок Деница и немецкой авиации, базирующейся в северной Норвегии.

На транспортах этого конвоя к нам шло вооружение, боевая техника, продовольствие, медикаменты на целое армейское соединение, в тяжелейшее для страны время, когда враг рвался к Сталинграду. Тем не менее разгром конвоя послужил для Черчилля формальной причиной прекратить нам эти поставки до 1943 года (до «полярных ночей», как он объяснил Сталину). Тем самым союзники отказали нам в поддержке в один из самых критических периодов войны.

Много лет позже, когда я уже командовал флотом, на одной из встреч в ГДР познакомился с офицером восточногерманского флота, который участвовал тоже в эпопее PQ-17, но с другой стороны. Он был механиком линкора «Тирпиц». Бывали иногда и такие встречи.

В начале 1943 года меня назначили командиром тральщика Т-110. Это был английский, более совершенный корабль с электромагнитным и акустическим тралями, способный вытравливать магнитные и акустические мины (донные и якорные). А мой прежний корабль ТЩ-65 героически погиб 3 июля 1942 года. Командир тральщика капитан-лейтенант Н. Голубенцев, заметив след торпеды, выпущенной немецкой подводной лодкой по транспорту, принял решение заслонить его своим кораблем.

После отказа Черчилля отправлять конвои в Россию, война переместилась к востоку — в Карское море, в районы подхода к устьям Печоры, Оби, Енисея, к острову Диксон, вплоть до пролива Вилькицкого. Там действовали немецкие подводные лодки и авиация. К острову Диксон подошел даже как-то «карманный» линкор «Адмирал Шеер», но получив отпор от артиллеристов и сторожевого корабля «Дежнев» ушел из Карского моря. Нам приходилось тралить эти районы и участвовать в конвойных операциях.

Наш тральщик в одном только Карском море вытравил на фарватерах и уничтожил 41 акустическую и магнитную мину, а в ходе одной из конвойных операций таранил немецкую подводную лодку. Произошло это неожиданно. Слышу доклад сигнальщиков: «Прямо по носу бурун от перископа подводной лодки!» Вижу, действительно — перископ, причем погружающийся. Командую: «Самый полный ход! Курс на перископ! Глубинный бомбы товсь!» Буквально через две-три минуты от сильного удара корабль содрогнулся. Начали бомбометание. Как выяснилось уже после войны, лодку мы не потопили, но все-таки повредили, и она ушла на свою базу.

Что можно еще сказать о корабельной службе на Севере? Сложная, тяжелая эта служба как в военное, так и в мирное время. Особенно непросто бывало на малых кораблях, таких, как тральщики, сторожевики, да и эсминцы тоже. Как говорят, на Севере всего лишь девять месяцев в году зима, а потом все лето, лето... Отсюда и особенности морского театра с частыми штормами в осенне-зимний период, постоянной изнурительной качкой, снежными зарядами и метелями, обледенением, крайне опасным для малых кораблей. Так, в одном из конвоев в жестокий шторм и мороз погиб у нас на глазах тральщик Т-109. Забитый крупной волной, он обледенел, перевернулся и затонул. Спасти удалось только трех человек. Они чудом удержались в сильный шторм в резиновой спасательной шлюпке. Мы тоже были в том конвое, можно сказать, рядом, и выручил нас эсминец «Достойный», закрыв своим бортом от волны. В таких штормах погибали и более крупные корабли, например, эсминец «Сокрушительный». Эсминец разломился пополам на крупной волне. Командир корабля, обвиненный в трусости, был по приговору военного трибунала расстрелян, а помощник командира за низкую организацию спасательных работ отправлен в штрафной батальон...

В марте 1945 года закончилась моя служба на Северном флоте. Я был назначен командиром сторожевого корабля и с экипажем убыл в США на Аляску в бухту Колд-Бей принимать корабль. Это был по тем временам новейший корабль, водоизмещением около 2500 тонн. Оснащенный 76-мм и 45-мм скорострельной артиллерией, с мощным противолодочным вооружением, гидроакцетикой и — главное — радиолокацией. Американский сторожевик, получивший имя Эк-9, мы освоили и в конце июня прибыли во Владивосток, готовясь к войне с Японией.

В начале августа я был вызван в штаб флота и получил задачу: принять на корабль батальон морской пехоты, командира сил высадки со штабом и следовать в составе десантного отряда в корейский порт Сейсин с последующим его захватом. К Сейсину подходили в густом тумане по радиолокации, что для японцев оказалось полной неожиданностью. Швартовались прямо к причалу. Батальон высадился в считанные минуты и сразу же завязал бой на территории порта. Вслед за нами в порт стали заходить другие корабли с десантом, баржи с артиллерией и танками. Бои за Сейсин закончились 17 августа. В тот же день был получен приказ следовать во Владивосток, а с прибытием туда — направлен в составе десантного отряда в порт Маока (ныне Южносахалинск). Это была последняя боевая операция, в которой участвовал Эк-9. Десантную операцию закончили успешно. Японцы капитулировали. Война заканчивалась. Мы радовались. Трудноописуемое чувство. Тишина. Над городом белые флаги. Но без происшествий не обошлось.

Захотелось погулять по земле, так долго не ступал по ней. Сойдя на берег, вместе с двумя матросами (имена и фамилии их помню — Петр Дьячков и Юрий Дмитриев) пошли в гору к огромной японской пагоде. Дорога шла через картофельное поле, все в цвету, земля ухожена, ни одного сорняка, что меня, как бывшего агронома, поразило. Вдруг Дмитриев докладывает: «Командир, в картошке японцы!» Мы вскинули автоматы, я по-английски скомандовал: «Встать! Сложить оружие!» На наше счастье — война была закончена. Японцы знали о капитуляции, иначе бы нам ног не унести — ведь их было около батальона! Японцы послушно сложили оружие, построились. Дьячков остался около оружия, а мы с Дмитриевым повели пленных к причалу. Время было обеденное, команды с кораблей высыпали поглазеть на японцев. Как, вы думаете, поступает русский солдат и матрос с пленными противниками? Матросы принялись кормить голодных японцев! Вот и разберись в русской душе!

Потом прибыло армейское командование, и японцев увели. Я же получил от командования строгий выговор за самовольную прогулку по «не очищенной от противника территории», потерю бдительности и либерализм по отношению к пленным.

Вскоре по прибытии во Владивосток я был назначен командиром последнего военного конвоя на Чукотку. Этот эпизод, на мой взгляд, иллюстрирует военно-политическую ситуацию, которая сложилась к моменту победы над Японией (о чем мало кому известно).

12 сентября меня вызвали в штаб флота. В кабинете командующего находились нарком, Адмирал флота Советского Союза Н. Кузнецов, командующий флотом адмирал И. Юмашев, маршалы Р. Малиновский, К. Мерецков. За столом, в кресле командующего флотом, маршал А. Василевский, вид крайне усталый, напомнивший Кутузова на совете в Филях. Я представился. В этот момент заработал телефон. Юмашев снял трубку и сказал Василевскому: «Поскребышев. Сейчас будет говорить товарищ Сталин». С Василевского усталость мигом слетела. Встал, взял трубку. Я хотел выйти, но Н.К. Кузнецов задержал меня. Разговор продолжался минут 15—20. Василевский доложил Сталину, что конвой со 127-м гвардейским горнострелковым корпусом к переходу на Чукотку готов, но есть сомнение в целесообразности такого перехода из-за наступления полярной ночи и отсутствия жилых строений. Взамен предлагается высадить корпус по частям на Курильских островах и Камчатке (это предложил нарком ВМФ Н. Кузнецов). Потом Василевский долго слушал, что говорил Сталин, изредка отвечая «есть!», «понял». Василевский положил трубку и в сердцах бросил Кузнецову: «Втянул ты меня, Николай Герасимович, в эту историю с Курилами и Камчаткой». По-

том пояснил: «Сталин сказал, что надо опасаться не полярной ночи и снегов, а Трумэна. Это не Рузвельт. От Трумэна можно ожидать что угодно. Он не хотел окончания войны и сейчас размахивает атомной бомбой. Американские войска находятся в Японии, Корее, Китае, Германии, Франции. Пытаются нас запугать, но не запугают. Так что война еще не совсем закончена. Чукотка рядом с Аляской, это наша земля (!), аренда ее скоро закончится, и она все равно будет нашей. Сейчас на Чукотке нужны наши войска. Операцию проводить». Так я стал командиром последнего военного конвоя на Чукотку.

Я иногда размышляю, что имел в виду Сталин, говоря, что Аляска наша земля? Зачем понадобилось срочно высаживать войска на Чукотку? Это было очень необычное решение... Впоследствии группировка войск на Чукотке была усилена. К сожалению, наша история не дает ответа на этот оставшийся почти незамеченным демарш Сталина в 1945 году.

Этим конвоем заканчивалась «горячая» война и начиналась, как мы узнали позднее, война «холодная».

После Чукотки наш корабль был отправлен в Порт-Артур. Как известно по Ялтинским соглашениям, нам возвращались старинные базы российского флота в Китае: Порт-Артур и Дальний, а также южная половина Сахалина и Курильские острова. Командующий армией генерал И. Людников ознакомил меня с обстановкой: в Китае гражданская война. Американцы поддерживают Чан-кай-ши. Их корабли не только в портах Китая и Кореи, но и без разрешения нагло заходят в Дальний и Порт-Артур. Задачи: боевая готовность, особенно к всевозможным провокациям, дозорная служба, наблюдение за американцами.

В Порт-Артуре налаживалась жизнь. Отношение к нам китайцев и русской колонии, тех самых солдат, офицеров и гражданского населения, которые ушли из России в двадцатые годы, самое дружественное. Каждому из них хотелось буквально потрогать нас руками; не верилось, что русские снова в Порт-Артуре.

Одно из ярких впечатлений от пребывания в Порт-Артуре — образцовое состояние кладбища русских воинов, погибших в русско-японскую войну. Над воротами кладбища надпись: «Сие кладбище открыто патриотами Всея Руси в 1912 году». Могила каждого солдата в обрамлении серого мрамора, мрамора — черного. Две символические могилы с мраморными надгробиями героев обороны Порт-Артура — адмирала С. Макарова (погиб при подрыве на mine броненосца «Петропавловск») и генерала П. Кондратенко (умер от ран, похоронен в Одессе). В могилу Макарова заложена капсула с грунтом, взятым со дна моря в точке, где погиб броненосец «Петропавловск». Маршал А. Василевский посетил кладбище и за образ-

цовое его содержание наградила зрителя (подполковника царской армии) медалью «За Победу над Японией». И еще одна интересная деталь: в музее обороны Порт-Артура находятся письма пленных и убитых русских солдат и офицеров. Японцы их сохранили, надо отдать им должное.

Из службы в Порт-Артуре запомнился следующий эпизод. Как-то получаю приказ подготовить корабль для перехода с группой высшего командования в порт Дальний (3—4 часа ходу от Порт-Артура). Прибыли маршалы Р. Малиновский, К. Мерецков, с ними двое в штатском (как выяснилось потом, представители НКВД), группа офицеров. По прибытии в Дальний все они куда-то уехали на машинах. Возвратились вечером. За ужином в кают-компании Мерецков спрашивает одного из штатских: «Ну, как прошла встреча с атаманом Семеновым?» * Штатский, улыбнувшись, рассказал: «Семенов нас удивил. Встретил на террасе своего дома (мыс Рокотан вблизи Дальнего), улыбающийся, радостный, в орденах. «Что-то,— говорит,— долго вы ко мне собирались, заждался». Мы представились, пояснили, кто такие и с какой целью прибыли. Поинтересовались, почему Семенов не уехал, не скрылся, зная, что наша армия стремительно продвигается по Маньчжурии. Семенов ответил, что «от вас, мол, все равно не скроешься. Да и не собирался ни убежать, ни прятаться, хотя мог и уехать, и улететь». И потом с каким-то надрывом и восторгом сказал, что он «гордится нашей армией, которая за 24 дня разгромила сильнейшую Квантунскую японскую армию. Мы проиграли русско-японскую войну, отдали японцам половину Сахалина, Курилы, Порт-Артур и Дальний. Вы все вернули. Вы разбили непобедимую германскую армию. Наши войска в Берлине, на Эльбе. Вы возвратили все исконные российские земли, которые Россия потеряла в первую мировую войну и после революции. Честь и хвала нашей армии, русскому оружию. Я преклоняюсь перед вашим Сталиным. Вот поэтому никуда я не уехал и вверяю свою судьбу в ваши руки». Потом мы его официально допросили, арестовали и отправили в Москву». Вот такую историю услышал я из уст каких-то высокопоставленных чекистов.

Вскоре моя дальневосточная корабельная служба закончилась. В 1947 году я уехал в Ленинград на учебу в Военно-Морскую академию.

Из событий послевоенной службы меня всегда спрашивают о походе в 1957 году в Югославию крейсера «Куйбышев», которым я в то время командовал. Интересуются главным об-

---

* Семенов Григорий Михайлович (1890—1946) — генерал-лейтенант, объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. В эмиграции руководил антисоветской деятельностью белоэмигрантов на Дальнем Востоке. По приговору Верховного суда СССР казнен.

разом подробностями пребывания на борту министра обороны СССР, маршала Г.К. Жукова. Мне посчастливилось познакомиться, правда, не очень уж близко, с очень интересной, неординарной, может быть, в чем-то противоречивой, личностью. Именно Личностью с большой буквы!.. Сегодня Жуков после незаслуженных опал, огульной хулы и клеветы некоторых его бывших боевых товарищей, общественных деятелей, историков, наконец, признан и великим полководцем современности, и национальным героем России. Учреждены орден и медаль Жукова. На крейсере же для меня он был министром обороны, строгим и, я бы сказал, грозным военачальником. С первых же часов общения я понял, что под кажущейся маской резкого, требовательного, сурового, волевого, иногда, может, и грубоватого, прошедшего жестокую войну полководца скрывается справедливый, в определенном смысле внимательный и чуткий к подчиненным и особенно низшему составу военачальник и просто доброжелательный человек. И я бы еще добавил, видимо, очень бесхитростным и доверчивым был прославленный маршал как с подчиненными, так и свыше стоящим окружением. Тогда же встреча с суровым маршалом меня, как командира корабля, настораживала. Тем более мы были знакомы с его последними приказами о снятии с должностей и разжаловании нерадивых военачальников.

Первая встреча с маршалом состоялась накануне выхода в море. Меня вызвали к нему. Он поздоровался и довольно строго спросил: где родился, как стал моряком, да еще командиром крейсера? Что воевал, мол, он видит. Я доложил. Когда сказал, что родился в Калужской губернии и назвал свое село, Жуков воскликнул: «Так это недалеко от моей Стрелковки!» Здесь я почувствовал, что отношение ко мне строгого маршала стало теплее. «Командир, когда нам выходить?» — спросил Жуков. «Завтра в 15.00». Присутствующее здесь же Севастопольское начальство и командование флотом стали уговаривать Жукова задержаться — кажется, готовились организовать для него охоту. «Как быть?» — снова спросил он меня. Я ответил, что проливы заказаны, опаздывать нельзя, придется выход в море переносить на несколько дней. «Хорошо, — подытожил Жуков, — завтра выходим в назначенное время».

4 октября вышли из Севастополя. Погода отвратительная, сильный траверзный (бортовой) ветер. Жуков стоял на мостике. Потом спросил, где находился командный пункт Петрова и Октябрьского во время обороны Севастополя. Я показал и сказал, что при эвакуации все командование Севастопольского оборонительного района было снято подводной лодкой, находящейся в Артиллерийской бухте. «Они ведь продержались более 250 суток, — сказал Жуков, — могли бы продержаться и больше, если бы ваш флот помог боеприпасами и продовольствием». Я ответил, что флот свою задачу при обороне Севастополя выполнил

полностью. Жуков на меня внимательно посмотрел и произнес фразу, которую я хорошо запомнил: «А ведь здесь, в Крыму, немцы руками крымских татар уничтожили 70 тысяч наших военнопленных (!)». Этого я не знал.

Однажды, когда Жуков спускался по трапу вниз, произошло, как мы потом это назвали, «маршальское ЧП». Ветром сорвало с его головы фуражку, которая чуть не улетела за борт. Но матрос-комендор дежурного зенитного автомата изловчился и в последний момент поймал ее. Жуков был рад, фуражка у него была единственной. Потом уже маршалу принесли матросские береты, в то время на надводных кораблях пилотов еще не носили, но ни один берет по размеру не подошел. Пришлось вызвать портного и срочно расшить берет. Жукову берет понравился, и на палубе он появлялся только в нем.

На следующий день в Босфор входили в сложных условиях — сильный ветер, плохая видимость. Жуков внимательно наблюдал за маневрированием крейсера. Все это ему было в новинку и потому, видимо, интересно. У входа в пролив стояли два столкнувшихся иностранных транспорта. Я сказал Жукову, что недавно здесь наш корабль в сложных условиях входил в пролив и сбил входной буй. Турки пожаловались, подали иск, а командир корабля приказом министра обороны был снят. Жуков отреагировал мгновенно, приказав порученцу: «Взыскание снять, командира в должности восстановить».

В Босфоре, в районе Стамбула, расположился американский флот в составе авианосца, крейсера, нескольких эсминцев, экипажи которых выстроились, отдавая морские почести, как положено, нашему крейсеру под флагом министра обороны СССР. Реакция Жукова на американцев оказалась довольно своеобразной: «Что им здесь надо? Почему их корабли не у своих берегов?» В таком же духе маршал размышлял вслух и в Средиземном море, когда мы встречались с кораблями 6-го флота США. Мне показалось, что именно в этом походе Жуков изменил свое отношение к Военно-Морскому Флоту.

После прохода Босфора мне докладывают на мостик: «Министр обороны приглашает командира корабля в салон обедать». Отвечаю, что не могу, управляю кораблем. Через некоторое время появляется порученец Жукова генерал Л. Китаев: «Идите объяснитесь с министром сами». Пока вызвали старпома, пока передал управление кораблем — в Мраморном море движение судов интенсивное, обстановка сложная, — пока записали в вахтенный журнал о вступлении старпома в управление кораблем, прошло какое-то время. Появляюсь в салоне, Жуков мне раздраженно говорит: «Сколько можно ждать! Вас министр приглашает, а вы копаетесь. Я даже ваше место за столом не занял». Объясняю, что обязан находиться на мостике, тем более в сложной обстановке. «А если заболете?» — спрашивает Жуков. Отвечаю, что есть старпом, он допущен к управ-

лению кораблем. «Вот и пусть он командует, а вы садитесь. Что пьете?» — снова спрашивает Жуков. Хотел ответить, что согласно его последним приказам не пью ничего, кроме воды, но вовремя сдержался. «Водку,— говорю,— но мне нельзя, я же после обеда снова должен управлять крейсером». Жуков неумолим: «Я же сказал, пусть старпом командует. Я тоже пью водку, а они (показывает на сидящих за столом) водку не пьют». Жуков за столом вел себя просто, шутил, но был не особенно многословен. Меня поразила четкость высказываний маршала.

С большим интересом Жуков знакомился с кораблем, интересовался службой и бытовыми условиями команды. Он был удивлен совершенством артиллерийского вооружения корабля (в то время это были новейшие образцы корабельной артиллерии): башни и артустановки главного и универсального калибров, автоматики подачи артиллерийских боеприпасов, системы управления стрельбой артиллерии, оснащением боевой рубки и боевого информационного поста. Чувствовалось, что увиденное для него в некотором роде открытие. Здесь же он вспомнил Ленинград и роль корабельной артиллерии в его обороне и прорыве блокады. Жукова поразили также котельные и машинные отделения крейсера. Мне показалось, что у него вырвалось даже — «преисподняя». И еще очень он был удивлен, когда попал в корабельную библиотеку. Он не ожидал увидеть такое обилие книг, многообразие газет и журналов, и здесь же читающих подвахтенных матросов. «Надо же, не спят, а читают»,— сказал Жуков.

В салоне флагмана висела картина «Чесменский бой». Когда я сказал, что в этом бою уничтожен весь турецкий флот (22 корабля), погибло свыше 10 000 турок, тогда как потери русского флота составили всего 11 убитых, Жуков не поверил. Он сказал, что этого не может быть, а моряки всегда горазды заливать. Также не поверил он, что в Синопском сражении было уничтожено 15 турецких кораблей и свыше 3000 тысяч человек личного состава, а потери Нахимова — 37 убитых и 235 раненых. Потребовал литературу по истории военно-морского искусства, поскольку, как он сказал, у него пробел в знаниях в этой области.

Когда проходили остров Корфу, экипажи крейсера и эсминцев сопровождения («Бывалый» и «Блестящий») были построены на палубах для отдания почестей в ознаменование побед адмирала Ф. Ушакова при Корфу. Жуков, внимательно наблюдавший за ритуалом церемонии и уже изучивший историю побед Ушакова, сказал мне: «Как же он руководил такой операцией: и крепость с моря флот бомбардирует, и десант высаживается? И остров Видо, а затем и Корфу взял за 24 часа! У него же ни штабов, ни политорганов не было. Только личные качества флотоводца Ушакова привели к такой победе!» Я добавил, что десант ушаковской морской пехоты прошел победоносно через всю Италию и соединился с войсками Суворова. И здесь

Жукова очень заинтересовали слова А. Суворова: «Отечество надо защищать на дальних подступах!»

Рассуждая о победе Ушакова при Корфу, Жуков сделал такой вывод: «Да, он не только выдающийся флотоводец, но и мудрый государственный деятель. Он в крепостнической России Павла Первого, будучи сам убежденным монархистом, основал республику Ионических островов и даже даровал освобожденным им грекам конституцию, основы которой сам же и разработал». Жуков возмущался словами Александра, сказанными Ушакову при его увольнении в отставку: «Мы на морях воевать не будем». И фразой, презрительно брошенной царедворцам: «Отпускайте его, пусть молится Богу». Последняя для самого Жукова оказалась пророческой: через несколько дней его тоже отправят в отставку — подло, исподтишка.

На переходе крейсера в Югославию Жуков очень подробно расспрашивал меня и сопровождающих его адмиралов о Н.Г. Кузнецове, которого Хрущев только что отстранил от должности Главнокомандующего ВМФ и понизил в звании. Все опрашиваемые наилучшим образом отзывались о нашем заслуженном и авторитетном военно-морском начальнике. Еще более удивило Жукова множество фотографий Н.Г. Кузнецова в каютах у офицеров и в матросских кубриках.

Жуков сошел с корабля в югославском порту Задар. Последний раз я с ним разговаривал по телефону в Сплите. Оттуда крейсер пошел в Дубровник, а потом в Албанию.

Как-то, уже будучи командующим флотом, встретился я с маршалом С. Тимошенко. Зашел разговор о Жукове. Маршал С. Тимошенко рассказал мне, что Жуков трижды спасал его от гнева Сталина. Жуков, по словам Тимошенко, был единственным из крупных военачальников, который никого, даже Сталина, не боялся. Это было невыносимо для определенных кругов правящей элиты страны, что и явилось главной причиной новой опалы прославленного маршала — страх сильной личности. А Хрущев, этот вселенский путаник, посредственный государственный деятель, до дрожи в коленях боялся Жукова еще с времен Великой Отечественной войны.

Заканчивая свои краткие воспоминания, хотелось бы сказать вот что.

Наш Военно-Морской Флот сегодня без войны и сражений переживает, образно говоря, новую Цусиму. Его состояние, как и Вооруженных Сил и всей страны в целом, близко к критическому рубежу, после чего может последовать необратимый развал и гибель всего государства. Впрочем, это тема уже другого очень серьезного и обстоятельного разговора. Остается надеяться, что Россия, как было и ранее, переживет и эти тяжелейшие и странные времена, восстановит мощь своего флота и армии, свое государственное величие и могущество.